

Увидев её, Вэнь Жунь даже опешил.

Потому что нынешняя тётушка Цуйхуа совсем не походила на ту, которую он знал.

Когда она жила в доме Вэнь Жуня, её наряды всегда были крайне скромными. Она ведала кухней и готовила еду для всей семьи. Стирка, уборка, штопка и починка одежды — каждый день она была занята по горло, но всё равно находила время заботиться о Ван Мэй.

Жизнь её была по-настоящему насыщенной. Можно смело сказать: она честно отработывала каждую монету, которую Вэнь Жунь ей платил.

Даже в прошлом году, на Новый год, получив от него в подарок серебряную шпильку и серёжки, она почти никогда их не носила. Серебряный браслет и подавно лежал без дела.

А теперь она явно принарядилась.

На ней было платье цвета бамбуковых листьев — руцзюнь, перевязанное поясом. Верх — блуза бледно-бирюзового оттенка с рукавами до локтя, обнажавшая белоснежные запястья, на которых поблёскивали два широких, как листья лука-порей, серебряных браслета.

Волосы были уложены в причёску «чжуаньмацзи» — «конский хвост, свисающий набок», в ушах — серебряные серьги, а в причёске торчали два крупных алых цветка шиповника, распустившихся в полную силу.

Она неторопливо подошла, ступая в паре тёмно-бирюзовых вышитых туфель.

В таком виде её было трудно принять даже за обычную женщину, не то что за изгнанную жену. Люди вполне могли бы поверить, что перед ними хозяйка богатого помещичьего дома.

И цвет лица у неё просто великолепный!

К тому же Вэнь Жунь заметил: она накрашена!

В доме жили всего две женщины — она и жена Чэнь Цяна — плюс маленькая Ван Мэй.

Обе женщины постоянно работали и никогда не красились. Правда, у жены Чэнь Цяна имелись кое-какие баночки с румянами и косметикой, а у тётушки Цуйхуа — несколько скляночек с питательными мазями для лица и рук, которые подходили и взрослым, и детям.

Весной и осенью они обычно покупали побольше таких средств, чтобы мазать ими руки и щёчки детям.

Когда ездили в уездный город за покупками и брали много товара, лавочники иногда дарили немного подарков — например, помаду. По сути, это была древняя помада для губ.

Но они никогда ею не пользовались — кому дома краситься в полный макияж? Это же и время тратить, и неудобно.

А сейчас тётушка Цуйхуа явно накружилась.

Она не только нанесла румяна и пудру, но и подкрасила губы помадой, и даже брови подвела — отчего выглядела особенно свежо и бодро.

К тому же она немного посветлела, так что теперь казалась моложе — совсем как двадцатилетняя молодая женщина. В таком наряде и с таким видом её чуть ли не все не узнали.

Линь Сань-эр смотрел на неё, как остолбеневший, и бормотал себе под нос:

— Цуйхуа... Хуа-эр?

— Госпожа Линь, Линь Сань-эр, — тётушка Цуйхуа очень изящно поздоровалась, слегка присев, будто отдавая поклон. Такая Цуйхуа поразила всех до глубины души — даже старая госпожа Линь осеклась и не посмела вести себя вызывающе: ведь перед ней стояла сама заинтересованная сторона!

Затем она повернулась к Вэнь Жуню и тоже сделала лёгкий реверанс:

— Господин.

Вэнь Жунь спокойно улыбнулся:

— А, ты как раз подошла. Что случилось?

— Маленькая госпожа уснула, за ней присматривает жена Чэнь Цяна. Я решила выйти и раз и навсегда всё прояснить с людьми из рода Линь, — спокойно ответила тётушка Цуйхуа, затем повернулась к старой госпоже Линь: — Вы, бабушка, выглядите очень бодрой.

Такая вежливая и невозмутимая Лю Цуйхуа была для старой госпожи Линь в диковинку. Даже когда та только пришла в дом Линей, будучи цветущей юной девушкой, она никогда не разговаривала с ней подобным тоном.

Такая собранная и уверенная Лю Цуйхуа буквально приковала взгляд Линь Сань-эра.

— Линь Сань-эр, раз ты меня развёл, я не стану с тобой цепляться. Прошло уже два года. Если бы ты действительно хотел меня найти, давно бы пришёл — зачем ждать два года? — тётушка Цуйхуа мягко улыбнулась. — У тебя теперь жена, дети, старики... А я здесь живу хорошо. Давай оставим друг друга в покое — и тебе, и мне будет спокойнее.

— Тебе не жаль? — глаза Линь Сань-эра всё ещё были остекленевшими. — Если ты вернёшься...

— Вернуться? — серьёзно посмотрела на него тётушка Цуйхуа. — А куда мне вернуться? Ты уже женился, у тебя даже сын есть, верно? Сколько ему лет?

Она говорила тихо и мягко, словно просто беседовала.

Но Вэнь Жунь удивился: это совсем не та Лю Цуйхуа, которую он знал!

— Ему уже больше года... — как во сне пробормотал Линь Сань-эр, сам не замечая, что выдаёт возраст собственного ребёнка.

— Уже больше года? — Лю Цуйхуа снова улыбнулась, и улыбка её была чистой и спокойной, как хризантема в осеннем саду. — Получается, она уже была беременна до того, как вы меня изгнали?

— Тогда ей было уже пять месяцев, — Линь Сань-эр, ничего не соображая, выдал всё подряд.

— Вот как! — тётя Ян наконец-то поймала их на месте преступления и подпрыгнула от ярости. Вся сельская задористость и грубая прямота вырвались наружу: — Вы завели ребёнка с той вдовой и тут же изгнали мою сестру! Женились на этой шлюхе и ещё смели обвинять мою сестру, что она «не рожает»?! Да она не могла родить, потому что ваш род Линь заставлял её работать как вола — из-за этого она и теряла детей! Я...

Тётя Ян обрушила на прибывших из рода Линь поток самых грязных ругательств, словно из ведра.

Старой госпоже Линь стало неловко, но она всё же пробормотала в ответ:

— Так ведь ради ребёнка же! Без ребёнка как мой третий сын будет жить дальше?

Линь Сань-эр, похоже, чувствовал свою вину и молчал. Вдруг он резко рванулся вперёд и, к изумлению всех, подбежал прямо к Лю Цуйхуа и схватил её за руку:

— Иди со мной домой!

Лю Цуйхуа явно не ожидала, что Линь Сань-эр осмелится устроить «похищение порядочной женщины».

Она испугалась до смерти!

Вэнь Жунь тоже перепугался: парень оказался проворным — вдруг выскочил и потянул за руку тётушку Цуйхуа.

А ведь сегодня она была одета совсем не так, как обычно! Даже походка её была изысканной, будто специально выученной — такая плавная, изящная...

К тому же она всё-таки женщина, а силы у неё, конечно, меньше, чем у мужчины.

А Линь Сань-эр, судя по всему, заранее всё спланировал: он мгновенно схватил её за запястье, пальцы даже впились в серебряный браслет на её руке.

Вэнь Жунь взбесился. Он даже зонтик от солнца бросил, сложил его и замахнулся на Линя:

— Отпусти её! Что ты делаешь?! Как ты смеешь?!

Веер он тоже перестал использовать по назначению — швырнул прямо в голову Линю-третьему.

Но тот, несмотря ни на что, руки не разжал.

Вэнь Жунь стоял ближе всех к Лю Цуйхуа и первым бросился её защищать. Но, увы, он всего лишь учёный человек. Пусть и старался поддерживать форму, всё равно не сравнится с Линь Сань-эром — крепким, закалённым годами тяжёлого труда мужиком.

Да и здоровье у Вэнь Жуня было слабое. За два года оно немного улучшилось, но только «немного». Зимой он не смел долго находиться на улице — боялся простудиться. Не то чтобы лекарств не хватало, просто его организм не выдерживал болезней.

И не только его — дети в доме тоже были хрупкими.

Похоже, Линь Сань-эр окончательно спятил — или всегда был подлецом. Он даже ударил Вэнь Жуня!

Ничего особенного — просто сильно толкнул. Но этого хватило.

Хрупкое телосложение Вэнь Жуня не выдержало — он пошатнулся и уже почти устоял на

ногах, как вдруг сзади его кто-то резко дёрнул. Он завизжал: «Ай!», «Ой!» — и рухнул на землю!

— Ай-яй-яй!

Тот, кто стоял сзади, видимо, не сумел его удержать. Он хоть и немного смягчил падение, приняв удар на себя, но вместе с Вэнь Жунем тоже рухнул. По голосу Вэнь Жунь сразу узнал: это был староста Чжан!

Оба они повалились на землю.

Хорошо ещё, что староста Чжан оказался внизу и смягчил падение. Иначе при такой скорости Вэнь Жунь точно сломал бы себе что-нибудь — даже если не кости, то уж точно ушибы получил бы.

— Что вы творите?! — раздался знакомый гневный рёв.

Вэнь Жунь, оглушённый и растерянный, поднял голову — и увидел Ван Цзюня?!

«Неужели мне показалось?» — мелькнуло у него в голове.

Как он вдруг вспомнил Ван Цзюня? Неужели он... действительно начал что-то чувствовать к этому так называемому «брату по договору»?

Пока он пребывал в замешательстве, Ван Цзюнь уже подскочил, поднял его на ноги, а затем помог встать и старосте Чжану.

А Линь Сань-эра уже схватили Лян Эр и несколько солдат.

Вместе с ним — старую госпожу Линь и того самого возницу из рода Линь.

Тот мужчина ещё пытался кричать, что невиновен, но старую госпожу Линь схватили, как свинью на бойне — она завопила во всё горло:

— Что вы делаете?! Зачем хватаете старуху?!

Солдаты, конечно, не церемонились. Раз она так орёт — хлоп! хлоп! — пару здоровенных пощёчин, и всё:

— Заткнись!

Изо рта старой госпожи Линь тут же вылетели два пожелтевших зуба и брызги крови. Она мгновенно поняла, что к чему, и тут же замолчала.

Ужас в её глазах уже невозможно было скрыть.

Эта старуха была классическим примером человека, что гнёт слабых и трясётся перед сильными.

Ван Цзюнь поднял Вэнь Жуня и помог встать старосте Чжану:

— Что случилось? Я только подъехал к дому — и вижу, вас обоих толкают на землю?! Да кто посмел поднять на вас руку?! Кто ищет смерти?!

Говоря это, он уже положил правую руку на рукоять меча у пояса.

— Да это и правда ты! Я уж подумал, мне показалось! — Вэнь Жунь потёр ушибленную голову.
— Я тут... эх, долго рассказывать. А вы-то как здесь?

Он заметил, что приехал не только Ван Цзюнь, но и Ма Сань.

Ван Цзюнь привёл с собой целую группу людей, и Ма Сань — тоже.

Ван Цзюнь занялся Вэнь Жунем и старостой — двумя «пострадавшими», а Ма Сань уже всюду расправлялся с Линь Сань-эром.

Он колотил его без жалости — удар за ударом, так, что Линь Сань-эр визжал от боли. Но никто и не думал за него заступаться. Тётя Ян отвела тётушку Цуйхуа в сторону, встала перед сестрой и, глядя, как Ма Сань молотит Линя, кричала:

— Бей! Бей как следует! Он посмел прикоснуться к моей сестре?! Убей его, если сможешь!

Дядя Ян тоже присоединился к избиению:

— Подлый ублюдок! Посмел руку поднять?! Я тебя прикончу!

Староста Чжан, поднявшись, всё ещё стонал: «Ой-ой-ой!»

Вэнь Жунь обеспокоенно смотрел на него:

— Вам сильно больно? Ничего серьёзного? Может, съездим в уездный город, пусть врач

осмотрит?

Ведь староста — человек в годах, а тут пришлось выступить в роли «мягкого матраса» — не повезло ему сегодня.

Но староста Чжан даже не ответил ему. Вместо этого он повернулся к Ван Цзюню и Ма Саню и завопил, как будто его обидели до глубины души:

— Вы только посмотрите! Эти Лини — сплошные негодяи! Приехали в нашу деревню Ляньхуаао, чтобы похитить порядочную женщину! Да ещё и грабить начали! Видите?! Господина Вэня, цзюйжэня, толкнули на землю! А я, староста, старый да немощный, теперь и вовсе никому не нужен!

Говоря это, он даже слёзы пустил. Его жена, старуха Чжан, уже стояла рядом, закрыв лицо руками и тихо всхлипывая.

Шум привлёк внимание многих односельчан. Когда они выбежали, то увидели почти то же самое, что и Ван Цзюнь с товарищами: Линь Сань-эр схватил Лю Цуйхуа, Вэнь Жунь попытался вмешаться — и его толкнули, вместе с ним упал и староста.

Если бы Ван Цзюнь с командой не подоспели вовремя, вся деревня уже бы кинулась в драку.

Но и сейчас было не поздно — крестьяне тут же бросились вперёд, размахивая лопатами и мотыгами.

Раз они не боялись шаек бандитов, то уж точно не испугаются какого-то Линя!

Среди прибывших был и староста Ма. Увидев эту сумятицу, он громко крикнул:

— Хватит! Все успокойтесь! В чём дело? Кто посмел поднять руку на господина Вэня?! Линь Сань-эр, ты совсем обнаглел?!

Разве можно было нападать на Вэнь Жуня? У Линь Сань-эра, видимо, мозги за жиром застыли!

Линь Сань-эр уже не мог говорить — он свернулся калачиком на земле, держась за живот, и почти потерял сознание.

Старая госпожа Линь молчала, как рыба об лёд: она боялась, что её тоже ударят. Солдаты ведь не разбирали, кто перед ними — старуха ли, крикунья или хулиганка. Таких, как она, они вообще в расчёт не брали.

А тот второй мужчина из рода Линь стал ещё тише воды, ниже травы — сидел, прижавшись к земле, и притворялся камнем.

Вэнь Жунь оглядывал происходящее и чувствовал странность: староста Чжан ведь не из робких — почему же сейчас он ведёт себя так, будто его глубоко обидели?

Да и вообще... когда он падал, он сам не собирался терять равновесие. Но кто-то сзади сильно дёрнул его — с такой силой!

А сзади стоял только староста Чжан... Неужели это он?..

Пока он размышлял, староста Чжан незаметно потянулся и больно ущипнул Вэнь Жуня — так, что тот чуть не завизжал. Но сдержался, хотя глаза тут же наполнились слезами... Больно же!

Наверняка на коже уже остался фиолетовый синяк!

В этот момент Ван Цзюнь как раз обернулся к Вэнь Жуню. Тот поднял на него взгляд — глаза красные, полные слёз, но он мужественно не давал им упасть.

Сразу было видно: человек терпит несправедливость, но держится из последних сил.

Ван Цзюнь вспыхнул от ярости.

— Говори! Что здесь произошло?! — выхватив меч, он свирепо уставился на Линь Сань-эра. Стоило тому сказать хоть слово не так — и он бы точно пустил в ход клинок.

— погоди! Дело вот в чём, — Вэнь Жунь поспешно схватил Ван Цзюня за руки и быстро всё объяснил.

Всё просто: род Линь два года назад изгнал Лю Цуйхуа, а теперь вдруг заявился и с наглостью предлагает ей вернуться... в качестве наложницы!

Разве это не смешно?

Вэнь Жунь закончил:

— Как Лю Цуйхуа могла на это согласиться? Линь Сань-эр и кинулся её хватать.

— Да как он посмел?! — Ма Сань, неизвестно откуда доставший кнут, при этих словах окончательно вышел из себя и принялся хлестать Линь Сань-эра:

— А помнишь, как ты сватался?! Клялся, что Цуйхуа с тобой будет жить в роскоши! Говорил, что у вас в роду Линь — дом из обожжённого кирпича и черепицы, работаешь в лесничестве, половину жалованья отдаёшь матери, а половину — Цуйхуа на сбережения! Обещал, что после рождения ребёнка дашь ей отдохнуть и восстановиться! Даже клялся: если родится несколько сыновей — одного оставишь с фамилией Лю, в честь Цуйхуа! Ты тогда наговорил столько сладких слов! А теперь?! Хочешь, чтобы она стала твоей наложницей?! Мечтай! Подлый ублюдок!

Кнут хлестал без пощады. Линь Сань-эр катался по земле, визжа, как привидение:

— Я понял! Простите! Не бейте! Больно!

<http://bllate.org/book/15642/1398120>